

— Инъян... Инъян... — назойливый голос никак не умолкал, и сознание Юэ Инъяна наконец начало медленно возвращаться.

— Отлично, ты наконец очнулся. Выспался за целый день? — Император, лежавший рядом с ним, довольно улыбался. Увидев, что Юэ Инъян открыл глаза, он тут же приподнял его и подложил под спину подушку. Но даже от такого пустякового движения тело Юэ Инъяна пронзила боль, а кости в пояснице издали пугающий хруст.

Юэ Инъян внезапно вспомнил, что его «довели» до беспамятства во время их близости! Щеки мгновенно залил густой румянец. К счастью, его уже успели обмыть и переодеть в чистое нижнее белье.

— Инъян, ты покраснел... Но мне нравится, когда ты такой, — Император притянул его распушенные волосы, лежавшие на подушке, и нежно поцеловал их.

— Хлоп! — Император схватился за лицо, не в силах поверить, что Юэ Инъян снова его ударил! Тяжелый кулак угодил прямо в красивый подбородок — удар был ничуть не слабее того, что прошлым вечером пришелся по животу.

— Не верится, что ты, будучи Императором, не способен даже на элементарное: слово государя — закон! — Юэ Инъян сидел, сверкая глазами. Оказалось, что румянец был вызван вовсе не смущением, а яростью. Он все еще злился на то, что утром Император обманом добился его согласия на любовные утехы.

— Инъян, я ведь лишь хотел, чтобы ты расслабился, — Император скорчил жалобную гримасу, пытаясь задобрить его. Но в той ситуации, если бы он мог дотерпеть до спальни, он бы ни за что не стал прибегать к подобным методам, зная, как сильно это разозлит Юэ Инъяна.

— Больше этого не повторится! — Юэ Инъян подался вперед, и в его взгляде читалась угроза, какой Император прежде не видел.

Император уже хотел было дать обещание, но тут же вспомнил, как соблазнительно Юэ Инъян выглядел в пылу страсти... Он сумел проникнуть в его сердце только потому, что тот был полностью лишен защиты. А что, если больше он никогда не увидит его таким? Император тут же заколебался.

Юэ Инъян, мгновенно раскусив мысли Императора, отрезал:

— Тот, у кого ложь слетает с губ в моменты наивысшей страсти, как может заслужить доверие в чувствах?!

Император так испугался, что принялся клятвенно заверять, что впредь никогда не посмеет позволить себе подобного в постели. Только тогда Юэ Инъян откинулся обратно на подушки.

— А теперь давай поговорим о деле, — его ясный взгляд говорил о том, что он пришел в себя и обдумал все вопросы со всей серьезностью.

— О пожаре в поместье генерала? — Император выпрямился и сел по-турецки рядом с ним.

— Да. Ли Цюаньшунь сказал, где именно начался пожар? — еще вчера Юэ Инъян заметил одну странную деталь, но не стал спрашивать сразу.

— В Восточном дворе, где ты живешь, — Император с интересом наблюдал, как Юэ Инъян разыгрывает свою партию.

— Допустим, это был поджог. Сейчас не сезон лесных пожаров, а в моем поместье всегда есть караул, поэтому невозможно, чтобы в таком людном месте внезапно вспыхнул огонь. Зачем поджигателю выбирать мой Восточный двор? Если бы я там не жил, там осталась бы только Хун Яо в соседней комнате, да и ценных вещей там почти не было. Если бы цель была нанести мне огромный ущерб, они бы подожгли Южный двор, где ночью обычно никого нет, зато хранятся военные архивы и документы Армии Орла. Слишком много нелогичных моментов. Мой вывод таков: кто-то специально разыграл этот спектакль, чтобы выманить змею из норы! — говоря это, Юэ Инъян вновь пронзительно посмотрел на Императора.

— Я знал, что от тебя ничего не скроешь. Это я пустил слух, чтобы ввести их в заблуждение. Вчера в полдень, когда ты сказал, что хочешь вернуться домой, я понял, что это слишком опасно. Ван Ляньфу еще не пойман, а записей о том, что он въезжал в Вэйчэн, нет — значит, он до сих пор в городе. Его объявили в розыск по всей стране из-за тебя, и прежде он уже вредил тебе, так что, возможно, он до сих пор здесь, чтобы отомстить. Я воспользовался временем обеда, чтобы отправить паланкин в поместье генерала, и специально велел разнести по улице новость, будто генерал Юэ пошел на поправку и вернулся домой отдохнуть. И правда — вечером он начал действовать. Но я не ожидал, что он подожжет дом... Несколько мастеров из Внутреннего двора, которых я приставил, смогли выбраться, а один остался в твоей комнате, притворившись тобой, чтобы защитить Хун Яо, когда она вместе с тобой «исчезнет».

Император не отвел взгляда, встретившись глазами с Юэ Инъяном. На самом деле гнев Юэ Инъяна был оправдан — ведь этот пожар косвенно устроил он. Он знал, что долго скрывать это не получится, но это было лучше, чем просто отправить его домой, ничего не предприняв! Тогда в огне вместе с Хун Яо мог оказаться сам Юэ Инъян!

— Раз ты знал, что это так опасно, почему не мог найти другого мастера вместо Хун Яо?! — Юэ Инъян, убедившись в своих догадках, схватил Императора за воротник, его глаза покраснели.

— Это была сама Хун Яо, она сказала, что хочет сделать это для тебя. Сказала, что если заменить ее, слуги могут проболтаться, и тогда станет еще опаснее... — на самом деле он давно знал, что Хун Яо — достойная девушка, просто из-за того, что она была его «соперницей в любви», он старался ее игнорировать и относился враждебно. Если бы она погибла, это стало бы тяжелым ударом не только для Юэ Инъяна, но и для него самого. Но если она появится снова, как им быть? Он ни за что не позволит ей остаться рядом с Юэ Инъяном, даже если

чувствует перед ней долг!

— Мне не стоило тебя винить... Прости, — Юэ Инъян не отпустил одежду Императора, а, наоборот, притянул его в свои объятия.

— Это я поступил нехорошо. Если бы я посоветовался с тобой, мы бы все сделали лучше, — приглушенно ответил Император через ткань одежды.

— Что было, то прошло, — что еще он мог сказать? Император делал все ради него, просто результаты не всегда зависят от наших ожиданий.

— Инъян, ты правда больше не злишься? — Император с недоверием поднял голову. Ему казалось, что характер Юэ Инъяна стал мягче: он перестал язвить, как делал это раньше.

— Больше не злюсь! — Юэ Инъян лег обратно, завел руки за голову и закрыл глаза, собираясь поспать еще немного. Кто будет злиться на человека, который искренне тебя любит?

— Хорошо, что ты сейчас такой нежный... — ведь именно эта нежность, которую он не жалел ни для кого, и заставила его влюбиться, не так ли? А теперь эта нежность, которую Юэ Инъян дарит лишь ему одному, принадлежит только ему... Император зевнул и лег рядом. Он потянулся к руке Юэ Инъяна и украдкой сжал ее, надеясь никогда не выпускать.

В этот момент за дверью послышались торопливые шаги, а затем раздался стук и высокий голос Ли Цюаньшуня:

— Ваше Величество! Появилась зацепка насчет поджигателя!

Оба на кровати одновременно открыли глаза.

— Отряд элитной дворцовой стражи, посланный Императором, прошлой ночью, выбираясь из огня, заметил подозрительную фигуру. Один из них проследил за ним тайком и, когда поджигатель лег спать, связался с городской стражей. Правда, стражник сказал, что подозреваемый владеет боевыми искусствами и очень осторожен, поэтому пока нельзя утверждать наверняка, что это именно Ван Ляньфу, — поскольку дело касалось Ван Ляньфу, его передали Му Цзунбао и Лю Иньчжэню из поместья генерала. Лю Иньчжэнь, обдумав информацию, четко доложил обо всем Императору и Юэ Инъяну, которые поспешили к ним сразу после получения известий.

— Значит, он затаился в том жилом квартале? — кварталы у городских ворот всегда были лучшим местом для таких людей. Но этот район был под самым пристальным наблюдением стражи, и без чьей-то помощи скрыться там было бы невозможно.

— Именно там. Я лично проверил его с крыш. Хотя дом выглядит как обычное жилище, внутри охрана очень серьезная, так что все не так просто. К тому же, вокруг поместья генерала мы нашли несколько следов горючего масла — поджигатель был не один, — Му Цзунбао уже рвался в бой, но Лю Иньчжэнь напомнил ему о важности дела, поэтому он ограничился разведкой.

— Велите городской страже незаметно оцепить весь квартал. В этот раз мы ни за что не упустим поджигателя! — Это наверняка оставшиеся сообщники Ван Ляньфу в столице. Даже у поверженного врага остаются когти, а Ван Ляньфу еще со времен правления предыдущего императора держал в руках огромную власть и войска. Если удастся покончить с ними всеми сейчас, можно будет наконец спать спокойно.

— Вы сами должны найти его! Кто возьмет старого разбойника живым, получит щедрую награду, за мертвого — пять тысяч серебром! — пообещал Император, обращаясь к Му Цзунбао, Лю Иньчжэню и всем затаившимся воинам.

В этот момент дверь дома открылась, и человек в одежде простого крестьянина, съездившись, направился к городским воротам. Император подал знак офицеру городской стражи, и тот сразу последовал за ним.

— Думаю, Ван Ляньфу хочет немедленно покинуть город и послал человека прощупать почву, — заметил Юэ Инъян, с трудом стоя на ногах. Прошлой ночью он сжег его поместье, и Император непременно должен был начать обыски, так что если Ван Ляньфу не уедет сейчас, он уже не уедет никогда.

— Хорошо, начинаем! — Император махнул рукой, и спрятанные повсюду отряды мгновенно показались, взяв дом в кольцо. Му Цзунбао, не дожидаясь, первым бросился вперед, а Лю Иньчжэнь, боясь, что тот наделает ошибок, последовал за ним. В маленьком дворике остались только Император, Юэ Инъян, Ли Цюаньшунь и несколько личных телохранителей Императора.

— Тебе плохо, лучше присядь. Ван Ляньфу в этот раз не сбежит, — Юэ Инъян был бледен как полотно и едва держался на ногах. Надо было оставить его в покоях. Император велел вынести стул, чтобы он мог сесть.

Юэ Инъян, силы которого были на исходе, только успел сесть, как у входа во двор раздались крики. Вбежал стражник и, упав на колени, доложил:

— Из дома вырвался отряд из двадцати вооруженных людей, они преградили путь нам и командирам Му и Лю. Ван Ляньфу захватил коня и прорвался к воротам! Командир Му уже бросился в погоню! Мы побежали за лошадьми, готовимся к худшему.

— Живо в погоню! — Император не ожидал, что, несмотря на такое количество людей, Ван Ляньфу все же сумеет прорваться, и пришел в ярость. Но в этот раз, чтобы не спугнуть Ван Ляньфу, никто не брал с собой лошадей... Если тот прорвется через городские ворота, догнать

его будет почти невозможно!

— На башню! Быстрее на городскую башню! — Юэ Инъян доковылял до ворот, глядя на возвышающуюся в конце улицы башню. Только оттуда можно было увидеть ситуацию и принять меры.

— Хорошо, идем, — Император схватил Юэ Инъяна, собираясь бежать, но, сделав пару шагов, вспомнил, что Юэ Инъян не только не оправился от ран, но и утром перенес близость, поэтому такие нагрузки ему противопоказаны. Однако, взглянув в решительные глаза Юэ Инъяна, он понял, что тот не останется ждать здесь сложа руки. Император стиснул зубы, остановился, и когда Юэ Инъян, ничего не понимая, поравнялся с ним, подхватил его на руки и побежал.

Он уже не думал о том, что их видят все прохожие. Юэ Инъян, опешив, позволил нести себя. И только когда его ноги коснулись площадки башни на пятидесятифутовой высоте, он осознал, насколько шокирующий поступок они совершили на глазах у всех подданных.

Но времени на жалобы не было. Проследив за пальцем Императора, он увидел, что Ван Ляньфу действительно прорвался сквозь опешивших стражников и уже выскочил за ворота, но еще не успел отъехать далеко.

— Что делать?! — лошади скоро будут, но боюсь, когда они прибудут, догнать его будет уже поздно.

— Если бы я еще мог стрелять из лука... — Юэ Инъян с досадой пробормотал, глядя на удаляющуюся фигуру. На таком расстоянии, даже на скаку, будь он здоров, он бы попал без труда!

— Точно! Эй, принесите лук и стрелы! — лицо Императора, до этого полное тревоги, внезапно просияло.

Лук и стрелы принесли немедленно — они нашлись в караулке на башне.

Юэ Инъян протянул руку, чтобы взять их, но Император его остановил. Он с удивлением посмотрел на него: неужели он не даст ему хотя бы попытаться?

— Если учитель в беде, долг ученика — взять работу на себя! — Император сам взял лук, натянул тетиву до предела, и стрела, не колеблясь, сорвалась с места!

Сердце Юэ Инъяна замерло.

Только когда вдалеке Ван Ляньфу, пораженный стрелой, упал с коня, а Му Цзунбао, успевший догнать его, прижал его к земле, он оглянулся.

Император улыбнулся ему, обнажив белые зубы.

Ван Ляньфу был официально арестован по обвинению в поджоге, попытке убийства и других преступлениях, ожидая суда. Му Цзунбао, гордый тем, что совершил подвиг и отомстил за Юэ Инъяна, потащил Лю Иньчжэня выпивать. Стражники отправились тушить пожар, который еще не успел догореть, и даже Ли Цюаньшунь радостно крутился у ворот.

Император и Юэ Инъян так и остались стоять на башне.

Юэ Инъян прислонился к мощной каменной стене, обессиленно сползая вниз.

Император стоял рядом, глядя на озаренную лунным светом округу за пределами Вэйчэна.

— Никогда не думал, что ты так здорово стреляешь из лука, — Юэ Инъян невольно улыбнулся. Маленький наследный принц, который когда-то не мог натянуть даже легкий детский лук, сегодня с такой легкостью справился с тяжелым и выбил Ван Ляньфу из седла. По правде говоря, даже он не был бы уверен, что справится одним выстрелом.

— Я и сам не знал. У меня до сих пор руки дрожат, — Император повернулся и с горькой улыбкой протянул свои слегка подрагивающие ладони. В тот момент уверенность в Юэ Инъяне придала ему сил.

Юэ Инъян взял его за руки и поднялся.

— Хоть ты еще не совсем взрослый, но я вижу, что ты вырос, — люди растут незаметно, даже для самых близких.

— Инъян, посмотри, это ведь моя страна! — Император, воодушевленный успехом и никогда прежде не смотревший на город ночью с высоты, был полон восторга.

— Да, это ответственность, которую ты должен нести, — умение осознавать свою страну и любить ее — возможно, это и есть начало пути истинного Императора! Юэ Инъян с улыбкой смотрел на повзрослевшего государя.

— Я всегда думал: когда наступит день, и ты решишь, что я действительно вырос, я скажу тебе одну вещь: сейчас я передаю в твои руки все земли Великой Святой Династии, видимые и невидимые, свою жизнь и всю полноту моих чувств! — руки Императора, которые все еще сжимал Юэ Инъян, перестали дрожать.

Это были руки правителя — нежные и твердые, готовые поддерживать друг друга и доверять до

самого конца.

Эпилог

Пять месяцев спустя.

Каждый пятый месяц года — самое загруженное время для двора Великой Святой Династии.

Потому что в мае Император в сопровождении всех высших чиновников и вельмож отправляется в горный район Улин к востоку от Вэйчэна для совершения обряда жертвоприношения Небу. Со времен основания династии эта ежегодная традиция не нарушалась, и этот год не стал исключением.

— Сяо Шуныцзы, где сейчас Инъян? — Сыту Гунхун высунул голову из просторной колесницы и спросил Ли Цюаньшуня, скакавшего верхом рядом.

— Докладываю, Ваше Величество: генерал Юэ отправился с передовым отрядом вперед, чтобы распорядиться насчет ночлега, — Ли Цюаньшунь, предвидя этот вопрос, заранее узнал местонахождение генерала.

— Пусть этим занимаются другие, позови его обратно, — так было каждый год: стоило начаться весенним празднествам, как Юэ Инъяна было не найти. Будто у остальных нет работы, и все свои дела они свалили на него одного.

— Ваше Величество, генерал Юэ передал, что если Вы его ищете, то должны вспомнить свое обещание перед отъездом из дворца: он вернется, как только закончит все дела, — Ли Цюаньшунь даже не шелохнулся в седле, про себя восхищаясь предусмотрительностью Юэ Инъяна.

— ... — Сыту Гунхун ничего не ответил, лишь зло захлопнул окно колесницы и спрятался внутри.

Хитрый Юэ Инъян! Помнит о том, что он пообещал перед отъездом... Проклятье!

Это случилось во время подготовки к празднику: из-за того, что Юэ Инъян отвечал за охрану всего пути, он полмесяца не видел Императора нигде, кроме как в Тронном зале Цзиньлуань. И когда Сыту Гунхун наконец выследил его в штабе гарнизона, Юэ Инъян, зная, что Император не даст ему покоя, одним вечером выторговал у него обещание не мешать ему работать во время всего праздника... Подумать только, он считал любовь Императора помехой своей работе!

Сыту Гунхун злился, а больше всего его бесило то, что он, по своей глупости, действительно согласился... И теперь ему оставалось лишь сидеть в колеснице и наблюдать, как тот бежит повсюду.

На самом деле до гор Улин было недалеко, полдня пути на быстрой лошади. Но праздник длился три дня: первый — жертвоприношение Небу, второй — весенняя охота, третий — всеобщее веселье! Подготовка лагеря и возведение императорского шатра начались еще месяц назад.

Это показывало, какое значение династия придавала весеннему празднику. Это был не просто обряд молитвы о хорошем урожае, главной частью была охота. В Великой Святой Династии ценили боевое искусство выше учености, и весенняя охота была лучшей сценой для тех, кто хотел себя проявить! Особенно в день веселья, когда Император награждал лучших воинов титулами, золотом и красотками. Стоило заслужить расположение Императора — и блестящая карьера была обеспечена. Поэтому, хотя они еще не доехали до места, многие уже горели желанием показать себя.

<http://bllate.org/book/21138/2144066>